‘TURKESTANI MUSLIM COMMUNITIES… HAVE BEEN DEPRIVED OF THIS HAPPINESS’. THE DISSEMINATION OF TARAZI’S QUR’AN TRANSLATION AND EXEGESIS IN SOVIET UZBEKISTAN

Filipp Khusnutdinov
filipp_husnutdinov@mail.ru

Among the theologians who influenced the processes of re-Islamisation in late Soviet and early post-Soviet Central Asia, the name of Sayyid Mahmud Tarazi (ca. 1895–1991) deserves special attention. Better known by his honorary nickname Altin-khan-tura, he was an authoritative Turkestani emigrant and prominent scholar. The present article offers preliminary research on the dissemination in Soviet Uzbekistan of his most famous work: the first complete interlinear translation of the Qur’an with commentary in Central Asian Turki. In less than half a century, this work has undergone more than ten publications in various regions of the Muslim world. As archaeographic and field research indicates, Tarazi’s translation has been featuring in personal library collections of some local religious figures, including prominent “official” and “unofficial” theologians from the region, and could have impacted their own work. Since the personality of Tarazi has not yet wholly entered the academic discourse on “Soviet Islam”, the article also provides a brief biography of the scholar in the context of his direct and “secret” links to local ʿulamāʾ. The focus of this article on the history of the dissemination of Tarazi’s Qur’an translation allows illuminating some of the re-Islamisation processes that took place in Central Asia during the period under review.

Keywords: *Sayyid Mahmud Tarazi (Altin-khan-tura), Qur’an, ‘Turkistani’ language, Soviet Islam, Central Asia, SADUM, Shaykh Ibrahim-hadrat, Damla Hindustani, Muhammad-Sadiq Muhammad-Yusuf, jumʿa-bazar*

PhD Fellow, al-Biruni Institute
of Oriental Studies, Academy of Sciences
of the Republic of Uzbekistan
Filipp Khusnutdinov

«ТУРКЕСТАНСКИЕ МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ… БЫЛИ ЛИШЕНЫ ЭТОГО СЧАСТЬЯ». ИСТОРИЯ БЫТОВАНИЯ ПЕРЕВОДА И ТОЛКОВАНИЯ КОРАНА ТАРАЗИ В СОВЕТСКОМ УЗБЕКИСТАНЕ*

Филипп Хуснутдинов
filipp_husnutdinov@mail.ru

DOI: http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.11.1.07

Среди богословов, оказавших влияние на процессы реисламизации в позднесоветской и ранней постсоветской Средней/Центральной Азии, особого внимания заслуживает имя авторитетного туркестанского эмигранта и видного ученого Саййида Махмуда Тарази (ок. 1895–1991), более известного под почетным прозвищем Алтин-хан-тура. Настоящая статья посвящена предварительному обзору истории бытования в советском Узбекистане наиболее популярного труда Тарази — первого полного подстрочного перевода Корана на среднеазиатский тюркí с комментариями. За менее чем полувековой период его работа претерпела более десяти изданий в различных регионах мусульманского мира. Как показывают сведения археографических и полевых изысканий, труд Тарази входил в книжный репертуар некоторых местных религиозных деятелей, в том числе особо видных «официальных» и «неофициальных» богословов региона, и мог оказать влияние на их творчество. Ввиду того, что личность Тарази еще не вполне вписана в дискурс «советского ислама», в статье также приводится краткая биография ученого в контексте его прямых и «тайных» связей с местными ‘улама’. Фокус статьи на исследовании истории бытования перевода Корана Тарази позволяет в определенной степени отразить процессы реисламизации, которые имели место в Средней/Центральной Азии в рассматриваемый период.

Филипп Хуснутдинов
Аспирант, Институт востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: *Саййид Махмуд Тарази (Алтин-хан-тура), Коран, «туркестанский» язык, советский ислам, Средняя/Центральная Азия, САДУМ, шайх Ибрахим-хазрат, дамла Хиндустани, Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф, джум‘а-базар*

---

* Я глубоко признателен заведующему рукописным фондом Института востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан [далее – ИВ АН РУз] Бобохону Косимхонову (ум. в 2018), директору Кокандского литературного музея Абдулатифу Турдиалиеву, заведующему реставрационной лабораторией ИВ АН РУз Марифу Салимову и Хабибулло Малаеву (племянник Тарази; г. Тараз, Казахстан), любезно сообщившим мне о своих воспоминаниях, связанных с личностью Саййида Махмуда Тарази и его трудами. Кроме того, весьма полезными при написании данной статьи оказались сведения, предоставленные сотрудниками ИВ АН РУз – Хамидулло Аминовым, Ботиржоном Абдуллаевым, Нажмиддинóм Мирмахмудовым, Эркином Миркомиловым, а также преподавателем Высшего медресе Мир Араб Исмаилджоном Хамрокуловым. Мне приятно выразить благодарность сотруднику ИВ АН РУз Санжару Гуломову и ученому-арабисту Файзходже Махмудову за детальную консультацию при переводе персо- и турецкоязычных материалов, привлеченных в процессе написания этой статьи. Я особо благодарен профессору Бахтияру Бабаджанову, Нурёгди Тошеву, Афтондилу Эркинову, Саидакбару Мухаммадаминову, анонимному рецензенту, а также Гульназ Сибгатуллиной, взявшим на себя труд ознакомиться с черновым вариантом статьи и предложившим свои ценные замечания.

Цитата, приведенная в заглавии данной статьи, принадлежит одному из лидеров туркестанского эмигрантского сообщества на Ближнем Востоке во второй половине XX в. и крупному ученому (*‘алим*, мн.ч. *‘улама’*) Саййиду Махмуду Тарази. Утверждая в предисловии к собственному переводу Корана с комментариями (*тафсир*), что это первый полный подстрочный перевод Священной книги мусульман «на туркестанский язык» (араб. *би-л-луга ат-туркистанийа* / узб. *Туркистон тили-да/шевасида*[1]), автор знал, о чем говорил. К середине 1950-х гг. в мусульманском мире существовало множество переводов и толкований Корана на урду и персидский язык, тогда как переводов на среднеазиатский тюркӣ — язык туркестанцев, проживавших на территории советской Средней Азии[2] (по большей части в Узбекистане) и в эмиграции в других регионах мира, — практически не было[3]. Труд Тарази впервые увидел свет в 1956 г. в индийском Бомбее (ныне г. Мумбай) в виде литографированного шеститомника (*Кур’ан карим,* 1375/1956а).

Работы Тарази, созданные им преимущественно в эмиграции в период 1950–1970-х гг., предназначались не только для зарубежной туркестанской диаспоры, но и для его советских земляков, за которыми ко времени издания его труда прочно закрепилось обозначение «советские мусульмане» уже в качестве самоназвания[4]. Как показывают собранные мною сведения, перевод Корана Тарази, во-первых, оказался известен группе авторитетных *‘улама ’*, среди которых были крупнейший теолог-*ханафит* Ферганской долины и Таджикистана *дамла/дамулла* Хиндустани (Мухаммаджан Рустамов, 1892–1989), известный кокандский суфий *шайх* Ибрахим-*хазрат* (Ибрахимджан Маматкулов, 1937–2009), ряд видных богословов Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, 1943–1992) и его последний председатель *шайх* Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф (1952–2015). Во-вторых, очевидно, благодаря посредничеству этих религиозных деятелей перевод-*тафсир* и другие книги Тарази оказались в библиотеке САДУМ и, позднее, в подведомственных ему конфессионально-образовательных учреждениях, а также попали в одно из крупных хранилищ восточных рукописей и литографированных изданий Узбекской ССР (1924–1991). К тому же работы Тарази находились в поле зрения местных академических востоковедов.

Насколько мне известно, *magnum opus* Тарази еще не был предметом специальных исследований представителей российской коранистики или западного исламоведения. Несколько по-иному обстоит ситуация в арабо-, персо-, турецко- и узбекоязычном про-

1. Под «туркестанским» языком/наречием во многих своих трудах Тарази подразумевает, по сути, среднеазиатский тюркӣ.

2. Учитывая, что в настоящей статье речь идет главным образом о советском периоде, термину «Центральная Азия», вошедшему в употребление после распада СССР (1922–1991) и применяемому в отношении пяти бывших советских республик (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана), я предпочел термин «Средняя Азия». В случаях же, когда говорится и о советском, и о постсоветском периодах, используются оба названия региона и их производные через косую черту. В то же время с целью передачи аутентичной терминологии, используемой самими эмигрантами (в том числе *‘улама ’* и Тарази), в отношении этой территории я также использую термин «Туркестан», а к эмигрантам – прилагательное «туркестанский».

3. Ранее имелись переводы и толкования только отдельных сур или их групп, причем в очень ограниченных количествах. В качестве примера можно привести толкование 30-й части (*джуз ’*) Корана на среднеазиатском тюркӣ за авторством Мухаммад-Зарифа ал-Кашгари (1872, Ташкент – 1959, Кульджа). Его труд объемом в более 730 страниц был завершен в Кашгаре в 1926 г. и издан там же в 1937 г. Замечу, что *тафсир* Кашгари не содержал подстрочный перевод Корана (Ал-Кашгари, 1413/1992). Осведомленностью об этой работе Кашгари я обязан ученому-арабисту Омону Мусаеву. Подробнее о биографии ал-Кашгари см.: Ал-Бухари, 1434/2013, с. 32.

4. Это, например, видно из писем студентов медресе Мир-и Араб (Мир-и ‘Араб). См.: Халилова, Бабаджанов, 2017.

странствах, где статьи или заметки о рассматриваемом труде Тарази встречаются чаще[5]. Однако и эти работы базируются в основном на филологическом анализе некоторых фрагментов самого текста либо ограничиваются краткими сведениями о месте и времени публикации того или иного издания этого перевода и толкования Корана. Исследователи не акцентировали внимание на его исламоведческом анализе и тем более не рассматривали особенности циркуляции этой книги в прошлом и настоящем в каком-либо из регионов, где перевод-*тафсир* Тарази мог получить распространение.

Кругозор и мировоззрение автора, литературно-языковая традиция, из которой он вырос, его целевая аудитория, идеологические и методологические предпочтения могут быть реконструированы преимущественно на основе анализа текста произведения. В этом отношении *тафсир*ы занимают особое место. Видный арабист и автор поэтического перевода Корана Т.А. Шумовский (1913–2012), размышляя над значением комментариев к тексту Корана, удачно заметил: «Зачастую они говорят нам больше о своих авторах, чем об объекте исследования. Таким образом, комментарии — *тафсир*ы — в первую очередь интересны тем, что они позволяют проследить развитие мусульманской мысли в различных культурах и эпохах...» (Шумовский, 2009, с. 291). К этому хотелось бы добавить, что восприятие самого произведения, степень его популярности (даже как предмета критики) в кругу богословской элиты (тем более если речь идет о таком произведении, как *тафсир* Корана) также может помочь по-новому взглянуть на ту среду, где было востребовано это произведение, на восприятие автора, ставшего волею судеб «своим среди чужих».

В этой статье, рассматривая перевод-*тафсир* Тарази как своеобразные «штрихи к портрету» их автора, я в большей степени намерен обратиться не столько к тексту труда Тарази, сколько к истории его бытования в некоторых регионах Узбекистана в советский период. Моими основными источниками послужили устные рассказы людей, имевших непосредственное или опосредованное отношение к теме распространения перевода-*тафсир*а Тарази в советской Средней Азии[6], а также целый ряд зарубежных и местных изданий этой книги. Таким образом, представленный в статье подход, заключающийся в изучении истории бытования перевода и толкования Корана Тарази в Узбекской ССР, и полученные на его основе результаты могут быть интересны для специалистов, потому как в той или иной мере отражают процессы реисламизации, их динамику и историографическую составляющую, которые были присущи феномену «советского ислама» в позднесоветской и ранней постсоветской Средней/Центральной Азии[7].

Ил. 1. Саййид Махмуд Тарази (Алтин-хан-тура). Дата и имя фотографа неизвестны

5. См., например: Ал-Маʿайириджи, 1993, с. 709–710; Ал-Қуръон ул-карим, 1994, с. 5–6; Худайар, 1379/2000–2001; Обидов, 2008, с. 9–10; Ғафуров, 2009; Mazman, 2018.

6. Здесь в основном имеются в виду материалы интервью, взятых мною в период с 2018-го по 2021 гг.

7. В этой статье будут изложены наблюдения, связанные с бытованием перевода-*тафсира* Тарази на территории Узбекистана в советский период. Об особенностях распространения труда Тарази после обретения Узбекистаном независимости планируется рассказать в следующей работе.

Краткие сведения о Саййиде Махмуде Тарази и его комментированном переводе Корана

Биография Саййида[8] Махмуда Тарази (ил. 1), более известного под почетным прозвищем (*лакаб*) Алтин-*хан-тура* (араб. Алтун-*хан-тура* / узб. *Олтинхон тўра*), иллюстрирует развитие жизненного пути целой группы '*улама* ', не вписавшихся в лекала советского ислама и выбравших эмиграцию. Тарази родился ок. 1895 г. в уездном центре Аулиеатинского уезда Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства (1867–1917) — в городе Аулие-Ата (ныне г. Тараз)[9]. Как мне стало известно из бесед с родственниками Тарази, проживающими в Таразе, он происходил из знатной семьи религиозных деятелей, возводящих свою генеалогию через самого именитого «кашгарского *хᵛаджу*» Хидайат Аллаха Афак-*хᵛаджу* (ум. 1693–94) к его прадеду — знаменитому накшбандийскому *шайх*у Ахмаду ал-Хᵛаджаги ал-Касани, известному под прозвищем Махдум-и А'зам (ум. 1542), затем к узгендскому правителю-суфию и одновременно полумифическому герою Бурхан ад-дину Киличу и далее до ал-Хусайна б. 'Али (626–680) и до самого́ Пророка Мухаммада. Отец Тарази, Саййид Назир Ишан-*хан* (репрес. ок. 1937), служил *имам*ом городской соборной мечети, а дед по материнской линии, Ахмад-*хан-тура*, исполнял обязанности местного *кади*.

Первоначальное конфессиональное образование Тарази получил у отца, затем продолжил обучение в Худжанде (Ходженте), Намангане, а после — в Бухаре и Ташкенте (медресе Кукалдаш/Кукельдаш) (Жалилов, 1997, с. 11). Среди его первых учителей главным образом называют крупного наманганского *ишан*а и *мударрис*а, а впоследствии *курбаши* т. н. «басмаческого движения» и антагониста советской власти — Саййида Насир-*хан-тура* Касани (1873–1938)[10], занимавшего в свое время должности руководителя наманганского филиала «Шура-йи ислами» и министра просвещения Туркестанской/Кокандской автономии (ноябрь 1917 — февраль 1918). В ташкентский период учебы, который, видимо, пришелся на конец 1910-х — начало 1920-х гг., к наставникам Тарази причисляют известного в раннесоветской Средней Азии '*алима*-эмигранта из арабских провинций Османской империи Шами-*дамуллу* ат-Тараблуси (ок. 1870–1932/1947), активно проповедовавшего и преподававшего в Ташкенте с 1919 г.[11] Ок. 1923 г. Тарази вернулся в Аулие-Ата — стал преподавать в медресе при мечети 'Абд ал-Кадир-*бай* и занимал в ней должность *имам*а.

Ок. 1930 г. на фоне антирелигиозной пропаганды и гонений на «служителей культа» Тарази был вынужден эмигрировать из Туркестана. В течение года он оста-

8. Присовокупление к имени титула «*саййид*» говорит о принадлежности его носителя к потомкам Пророка Мухаммада.

9. Город в южном Казахстане, в 1936–1938 гг. носил название Мирзоян, с 1938 по 1993 – Джамбул (затем Жамбыл), а в 1997 г. вернул свое первоначальное наименование, предшествовавшее Аулие-Ата, – Тараз.

10. О жизни и деятельности Насир-*хан-тура* Касани (он же Саид Носирхонтура Камолхонтураев, Насырхан Камалов) см.: Ал-Бухари, 1434/2013, с. 64–66; Шамсутдинов, 2018, с. 199–244. Мое внимание на эту книгу Шамсутдинова, в основу которой были положены важные для нашей темы архивные материалы, обратил Нодирбек Абдулахатов, ведущий исследования в сфере наследия маргиланских '*улама*' конца XIX – нач. XX вв.

11. О Шами-*дамулле* и его влиянии на исламскую сферу в советской Средней Азии см.: Утепбергенова, Муминов, Баетова, 2018, с. 436–440. Там же – библиография. О том, что Саййид Махмуд Тарази входил в число учеников Шами-*дамуллы*, см., например: Ал-Бухари. 1434/2013, с. 168; Уватов, 1994. Оба исследователя (Мансур ал-Бухари и Убайдулло Уватов) собирали свои материалы, прежде всего, в Медине и встречались с людьми, лично знакомыми с Тарази. По этой причине можно предположить, что информация о связях Тарази и Шами-*дамуллы* берет свои истоки из Медины, и сведения обоих авторов (особенно мединца ал-Бухари) заслуживают пристального внимания. Вместе с тем документальных подтверждений о связи Тарази и Шами-*дамуллы* я лично еще не встречал, в то время как об ученическо-преподавательских отношениях Тарази и Насир-*хана-тура* имеется целый ряд таких свидетельств, в частности в архивных материалах ОГПУ. См.: Шамсутдинов, 2018, с. 210.

вался в Афганистане, где работал помощником местного министра[12]. Затем переехал в Бомбей, служил *имам-хатиб*ом в соборной мечети в одном из мусульманских кварталов (предположительно, *Абдул Рехман Стрит / Abdul Rehman St.*), продолжал преподавать и прославился в регионе под прозвищем «*Тура Сахиб*» (Ал-Бухари, 1434/2013, с. 165; Жалилов, 1997, с. 16). В бытность свою в Бомбее Тарази поддерживал тесные контакты с представителями туркестанской диаспоры. Кроме того, встречался с именитым татарским богословом и философом Мусой Джар Аллахом Бигеевым (1875–1949)[13].

В начале второй половины 1940-х гг. Тарази оставляет Индию и обосновывается в Саудовской Аравии — сначала в Таифе, затем в Мекке, а через некоторое время в Медине. В связи с переездом в Саудовскую Аравию и установившейся близкой связью с правящими элитами, а также благодаря преподавательской деятельности в Мечети Пророка у Тарази появилась возможность более активно издавать свои труды и трактаты. Это, в свою очередь, повлияло на повышение его авторитета в ученых кругах и среди местной туркестанской диаспоры, которую он со временем возглавил. Согласно большинству источников, Тарази окончил свой жизненный путь в 1991 г. в Медине и был погребен на старейшем городском мусульманском кладбище [*Джаннат*] *ал-Баки*‘ (оно же *Баки*‘ *ал-гаркад*) (Ал-Бухари, 1434/2013, с. 165–166, 169).

Саййид Махмуд Тарази является автором около двадцати работ, среди которых как переводы знаменитых в мусульманском мире произведений, так и собственные сочинения. Тематика его произведений весьма разнообразна — кораническая экзегетика (*тафсир*), мусульманское предание (*хадис*), юриспруденция (*фикх*), исламская догматика (‘*акида*), жизнеописание Пророка Мухаммада (*сира*), стихотворные произведения, посвященные собственно религиозным вопросам и даже социально-политической проблематике. Помимо материалов, относящихся непосредственно к излагаемой теме, у него встречаются ценные сведения личного, мемуарного характера. В своих трудах Тарази с сожалением писал, что его соотечественники, туркестанцы, «лишены счастья» читать и познавать на родном языке не только наиболее популярные в мусульманском мире исламские тексты, но и Священный Коран. Задачу восполнить этот пробел он взял на себя.

Тарази снабдил свой перевод сжатым и лаконичным толкованием, которое расположилось «на полях» и является непременным спутником перевода. Таким же постоянным атрибутом стало авторское предисловие, выступающее в некоторых изданиях в качестве послесловия[14]: именно этот двухстраничный текст, написанный на среднеазиатском тюрки́ в Медине и датированный 15 рамадана 1375 / 27 апреля 1956 г.[15], проливает свет на целый спектр важных деталей. В общем, в данном предисловии повествуется о мусульманских обязательствах, важности Корана, о предыстории и источниках

12. По разным сведениям, министра просвещения или министра культуры.

13. Подробнее об истории знакомства двух богословов и для получения дополнительных сведений из биографии Тарази см.: Хуснутдинов, 2021. Примечательно, что перу Бигеева принадлежит один из первых полных переводов Корана на тюрки́ (в данном случае – поволжский тюрки́).

14. За некоторым исключением. См., например: Кур’ан карим, [не ранее 1992]. В этом издании данный текст предисловия/послесловия Тарази отсутствует.

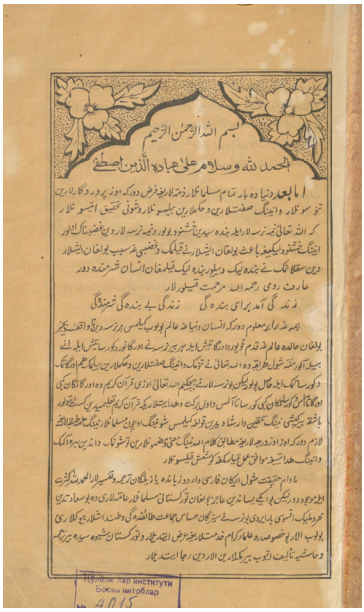
15. Следовательно, Тарази окончил свой перевод, скорее всего, в Медине (колофон в книге отсутствует). Интересно, что на обложке первого издания указана дата 1375/7, т. е. месяц раджаб 1375 г. х., что соответствует февралю-марту 1956 г. Однако, как видно, само предисловие датируется более поздним сроком, чем выходные данные на обложке, с разницей почти в два месяца. Возможно, такая нестыковка объясняется тем, что сначала были отпечатаны обложки перевода, а уже затем – сам текст.

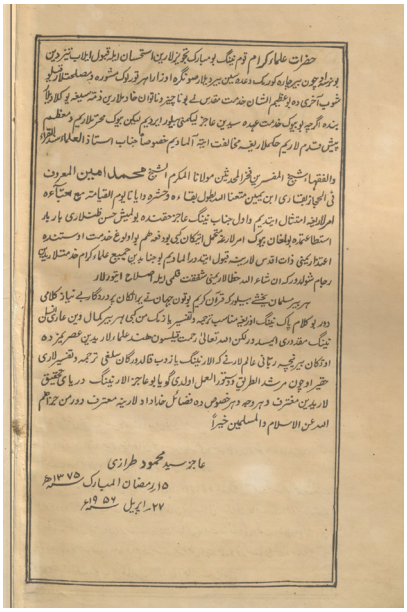
подготовленного перевода, а также о личности, ставшей идейным вдохновителем автора и буквально настоявшей на том, чтобы он «взялся за перо». Так, Тарази пишет:

> *<...> для мусульман всех степеней важно [в соответствии со] своими знаниями осознать значение и смысл Корана, им следует пользоваться и стараться руководствоваться его наставлениями.*
>
> *<...> переводы [Корана] и толкования [к нему], написанные на персидском и урду, слава Аллаху, существуют в изобилии. Однако туркестанские мусульманские общины, не владеющие этими двумя языками, были лишены этого счастья. Осознав это, группа некоторых уважаемых соотечественников обратилась по этому вопросу к почтенным ученым мужам (‘улама ’) с просьбой написать перевод [Корана] и толкование [к нему] на туркестанском наречии («Туркистон шевасида»).*
>
> *Почтенные ученые восприняли эти слова с благим намерением и пообещали в скором времени принять меры. Затем они собрались, посовещались и в заключение возложили [осуществление] этого великого и священного дела на [мои], ничтожного и немощного слуги [Божьего], плечи. Хотя я знал, что бессилен в исполнении этого великого задания, я не мог противостоять повелениям моих достопочтимых ученых. В частности, господину наставнику ученых, опоре чтецов (курра ’) [Корана] и правоведов (фукаха ’), шайху толкователей [Корана] и гордости знатоков хадисов Маулана Шайху Мухаммад-Амину, известному в Хиджазе как Кари ’ Ибн Йамин[16], да продлит Аллах его дни — так как он был хорошего мнения обо мне, ничтожном. На этот раз я не смог переубедить его и отказать ему в исполнении этого священного дела. Поэтому в этом отношении моя просьба ко всем почтенным ученым состоит в том, что если на то будет воля Аллаха, они поправят мои оплошности пером снисхождения.*
>
> *Каждый мусульманин хорошо знает, что Священный Коран — это несравненная речь Создателя всего мира. Написание надлежащего перевода и комментария «Пречистой речи» (Пак калам, т. е. Корана) мне, ничтожному, не под силу. Однако переводы и толкования [Корана], осуществленные ранее (салафий таржима ва тафсирлари) индийскими учеными[17], да смилуется над ними Аллах, [жившими в] наш век (асримизда) и уже покинувшими [этот мир], явились для меня, ничтожного, путеводителем и руководством. Словом, я, немощный, черпаю из реки их знаний и всецело признаю их достоинства...* (Кур’ан карим, 1375/1956а, т. 1, с. I–II; Кур’ан карим, 1993, с. 707–708) (ил. 2, 3).

16. Ибн Йамин Мухаммад-Амин б. Мухаммад-Ибрахим дамулла ал-Андиджани ат-Та’ифи ал-Ханафи ан-Накшбанди (1299/1881-82, Андижан – 1403/1982-83, Таиф), более известен как Ибн Йамин-*дамулла* ас-Са‘ати – авторитетный туркестанский эмигрант на Ближнем Востоке, прославился как знаток *хадис*ов, мусульманского права и представитель накшбандийского *тарикат*а. Среди жителей Таифа был известен под почетным прозвищем «Абу Ханифа младший» (*Абу Ханифа ас-сагир*). Подробнее о нем см.: Ал-Бухари, 1434/2013, с. 101–104.

17. К сожалению, Тарази не называет здесь каких-либо конкретных имен индийских ученых, чьи работы послужили основой для его труда. Тем не менее в самом тексте *тафсира* среди упоминаемых персоналий присутствует, например, Шаббир Ахмад ‘Усмани (1886/1887–1949) – крупный богослов, религиозно-политический деятель и один из лидеров третьего поколения ‘*улама*’ знаменитого исламского учебного центра, расположенного на севере Индии, *Дар ал-‘улум Дивабанд* («Обитель знаний» в Девабанде/Деобанде) (Кур’ан карим, 1993, с. 606 (18-я строка комментария); Metcalf, 2014, p. 108).





Ил. 2, 3. Введение Саййида Махмуда Тарази к своему комментированному переводу Корана

За два года до написания этого текста Тарази опубликовал перевод и толкование 30-й части Корана — *джуз ’ ‘Амма*. Отзыв (*такриз*) на эту работу представил другой крупный ученый и эмигрант, Ибн Йамин-*дамулла*, о котором с таким почтением и пиететом говорил Тарази в процитированном выше отрывке. Согласно мнению Ибн Йамина, представленный ему текст был лаконичен и избавлен от излишеств, а в отношении комментариев относительно «причин ниспослания [*айто*в и *сур*]» (*асбаб ан-нузул*) был идентичен *Тафсиру ал-Джалалайн* («Толкованию Корана двух Джалалей»)[18] — одному из самых популярных, особенно в неарабской среде, ясных и сжатых комментариев к Корану[19]. В целом по структуре *тафсир* Тарази также можно причислить к группе толкований, написанных в классическом суннитском духе, как, например, *Мадарик ат-танзил ва-хака’ик ат-та’вил* («Постижение откровения и истины толкований») Абу-л-Бараката ‘Абд Аллаха ибн Ахмада ан-Насафи (ум. 710/1310) или *Анвар ат-танзил ва-асрар ат-та’вил* («Светочи откровения и тайны истолкования») Насир ад-дина ‘Абд Аллаха ал-Байдави (ум. 716/1316).

Как указывалось выше, впервые труд Тарази был опубликован в 1956 г. в Бомбее в шести томах, напечатанных литографическим способом (Кур’ан карим, т. 1–6, 1375/1956a[20]). Надпись на обложке гласит, что книга была отпечатана «в славные дни правления Его Величества государя Са‘уда I[21]» на средства ал-Хаджжи Нур ад-дина[22] и его братьев-

18. Имеется в виду *Тафсир ал-Джалалайн* Джалал ад-дина ал-Махалли (1388–1459) и Джалал ад-дина ас-Суйути (1445–1505).

19. Свой комплиментарный отзыв Ибн Йамин назвал *Такриз мубарак* («Поздравительный/Благословенный отзыв»), он был составлен в Таифе и датируется 08.12.[13]73/06.08.1954 г. (Кур’ан карим, 1395/1975, с. III; Кур’ан карим, 1993, с. 705).

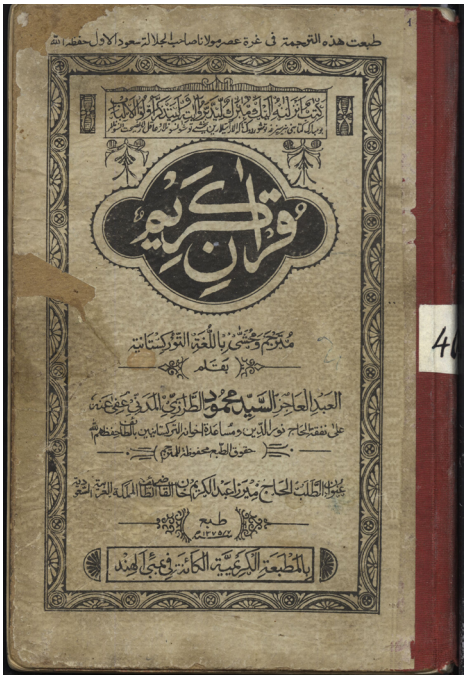
20. Во всех томах имеется сквозная пагинация: первый том занимает 112 страниц (II+110), последующие четыре – по 110 (111–220; 221–330; 331–440; 441–550), шестой том – 154 (551–704).

21. Са‘уд I, или Са‘уд б. ‘Абд ал-‘Азиз Ал Са‘уд (1902–1969) – король Саудовской Аравии в 1953–1964 гг.

22. Сведений о нем обнаружить не удалось.

туркестанцев, проживающих в Таифе (ил. 4). За менее чем полувековой период перевод Корана Тарази претерпел порядка десяти изданий в различных регионах мусульманского мира — в Индии (Бомбей, два издания 1956 г.) и Пакистане (Карачи, 1975; [не ранее] 1992), Саудовской Аравии (Медина, 1975; Джидда, 1980–81) и Катаре (Доха, 1980; 1993), Турции (Стамбул, 1990) и Узбекистане (Ташкент, 1994; 2002) (Кур'ан карим, 1375/1956a; Кур'ан карим, 1375/1956b[23]; Кур'ан карим, 1395/1975; Кур'ан карим, 1401/1980-81; Кур'ан карим, [не ранее 1992]; Кур'ан карим, 1993; Ал-Қуръон ул-карим, 1994; Ал-Қуръон ал-карим, 2002)[24]. Частота, с которой выходили в свет очередные издания труда ученого, явно наводит на мысль, что на мусульманском Востоке эта книга была довольно востребована, по крайней мере среди туркестанской диаспоры. В то же время для более основательных выводов необходима информация о тираже этих изданий. К сожалению, она в большинстве своем не приводится и остается неизвестной[25].

Некоторые из названных изданий труда Тарази теми или иными путями попадали в советскую Среднюю Азию, где у них складывалась своя, весьма насыщенная история.



Ил. 4. Перевод Корана Тарази. В 6 тт. Т. 1. (ИВ АН РУз, Фонд Хамида Сулайманова, лит. № 4015)

Ил. 5. Перевод первой суры Корана ал-Фатиха («Открывающая») с комментариями. Перевод Корана Тарази. В 6 тт. Т. 1. — С. 2 (ИВ АН РУз, Фонд Хамида Сулайманова, лит. № 4015)

23. Хотя это однотомное карманное издание полностью (как по форме, так и по содержанию) повторяет литографированный шеститомник, его внешние характеристики, в частности тип печати, позволяют выдвинуть предположение, что это более позднее репринтное издание.

24. О наличии карачинского издания 1975 г. и стамбульского 1990 г. см.: Ал-Ма'айириджи, 1993, с. 709. Все названные издания, за исключением ташкентских, представляют собой публикацию оригинального текста, ташкентские же издания – адаптированное переложение (*табдил*) на кириллицу.

25. Из всего перечня указанных ближневосточных изданий известным оказался только тираж издания, осуществленного в 1980–1981 гг. в Джидде. Он составил пятнадцать тысяч экземпляров. См.: Жалилов, 1997, с. 27.

Кокандский суфий и перевод-*тафсир* Тарази в ИВ АН РУз

Борьбу государства с так называемым «неофициальным»/«параллельным» исламом в Средней Азии и на Кавказе в 1970–1980-е гг. некоторые советологи абсолютизировали и репрезентовали как борьбу комиссаров с суфиями (Bennigsen, Wimbush, 1985)[26]. Одним из таких суфиев, подвергшихся преследованиям, оказался *шайх* Ибрахим-*хазрат*.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. в СССР был принят целый ряд постановлений, связанных с «исламским фактором» и «реакционной частью мусульманского духовенства». В сентябре 1981 г. ЦК КПСС принимает постановление «О мероприятиях по противодействию попыткам противника использовать "исламский фактор" во враждебных СССР целях», дополненное в апреле 1983 г. постановлением «О мерах по идеологической изоляции реакционной части мусульманских священнослужителей» (Королева, Королев, 2008, с. 112).

Видимо, тогда же, в середине 1983 г., в ходе нового витка антиисламской кампании был задержан известный кокандский суфий, представитель Накшбандийа-хусайнийа *шайх* Ибрахим-*хазрат*[27]. Библиотеку суфия конфисковали и передали в ташкентский Институт рукописей имени Хамида Сулайманова АН УзССР. Так у сотрудников Института появилась возможность ознакомиться с этой конфискованной литературой, где среди всего прочего оказался полный шеститомный комплект первого литографированного издания перевода и толкования Корана Тарази. Через некоторое время *шайх*а Ибрахима отпустили и постановили вернуть библиотеку законному владельцу. Тогда сотрудник Института рукописей Бобохон Косимхонов, с чьих слов мне стала известна эта история, решил уговорить *шайх*а оставить этот экземпляр Институту, потому как, — рассказывал наш собеседник, — в различных хранилищах страны ему еще ни разу не встречался полный комплект первого издания этого труда Тарази. Переговоры прошли успешно, и книги обрели свое новое пристанище. В инвентарной книге Института зафиксировано официальное зачисление шести томов «*тафсир*а Алтин-*хан*а-*тура*» 13 сентября 1983 г. В 1998 г., после упразднения Института рукописей, фонд был передан в ИВ АН РУз (Кур'ан карим, 1375/1956а).

Узнав, каким путем и при каких обстоятельствах произведение Тарази попало в ИВ АН РУз, у меня возник закономерный вопрос: как, собственно, изначально эти шесть книг Тарази оказались у *шайх*а Ибрахима? Ответ подсказал профессор Бахтияр Бабаджанов, неоднократно лично интервьюировавший *шайх*а. В одной из бесед Ибрахим-*хазрат* поведал о своем интересе к литературе по коранической экзегетике, в частности к *тафсир*ам. Здесь-то и зашел разговор о неизвестном еще на тот момент интервьюеру арабографическом переводе Корана и толковании к нему на «туркестанском» языке. *Шайх* объяснил, что книги попали к нему ок. 1976 г., когда он принимал участие в разборе (или инвентаризации) библиотеки, располагавшейся в бывшем медресе Барак-*хан*[28]. Тогда шеститомник Тарази оказался банально неучтенным в перечне книг библиотеки, поэтому Ибрахим-*хазрат*, увлеченно интересующийся коранической экзегетикой, не смог остаться к этому факту равнодушным и взял книги в личную библиотеку[29].

26. Критика и основные аспекты «советологического исламоведения»: DeWeese, 2002.

27. О нем см.: Бабаджанов, 2001, с. 345–346, 359; он же, 2006а.

28. Очевидно, *шайх* подразумевал библиотеку САДУМ, в качестве административного здания которого использовалось бывшее медресе Барак-*хан*.

29. По-видимому, сотрудники САДУМ собственноручно передали эти книги *шайх*у Ибрахиму, поскольку САДУМ оказывал некое содействие «неофициальным» '*улама* ' в приобретении зарубежной исламской литературы. Как заметил по этому поводу профессор Адиб Халид: «САДУМ отчасти даже помогал теневым улемам: организация не могла издавать религиозную литературу, но имела доступ к изданным за рубежом текстам, написанным преимущественно на арабском, и собирала их в своей библиотеке в Ташкенте, раздавая лишние копии незарегистрированным улемам» (Халид, 2010, с. 165). О симбиотических отношениях, сложившихся между зарегистрированными и незарегистрированными '*улама* ' в системе официального исламского образования в УзССР, см.: Tasar, 2016.

Между тем еще до 1998 г., прежде чем официально оказаться в фонде ИВ АН РУз, труд Тарази «наведывался» в это учреждение, правда, в ином облике. Ок. 1978–79 гг. специалист по истории медицины, ученик академика Убайдуллы Исраиловича Каримова (1920–1997) Хамидулло Хикматуллаев (1929–1994) принес в Институт микрофильм, привезенный им из-за рубежа и содержащий работу Тарази. Заведующая фотолабораторией Клавдия Ивановна Музурова помогла своему коллеге распечатать на фотобумаге полный текст книги. Затем другой сотрудник Института, Мариф Салимов, подготовил переплет фотокопии и обложку к ней[30]. Как оказалось, ранее, еще за несколько лет до этого случая, Салимов уже встречал этот перевод Корана, причем не просто в частной библиотеке, а в библиотеке при САДУМ (*см. об этом ниже*).

Перевод-*тафсир* Тарази на прилавках кокандского и ташкентского джум‘а-базаров

Саййид Махмуд Тарази имел определенный авторитет в Ферганской долине и был известен там главным образом под своим прозвищем «Алтин-*хан-тура*». Его перевод-*тафсир*, особенно в виде ксерокопии, получил некоторое распространение, о масштабах которого еще затруднительно судить, в долине, в частности в Коканде, в начале 80-х гг. XX в.

Еще один наш собеседник, Абдулатиф Турдиалиев, возглавляющий с 1998 г. Кокандский литературный музей, не раз был свидетелем продажи труда Тарази на местном пятничном (*джум‘а*) базаре в 1983–84 гг., как он выразился, «из-под прилавка» или «на дому». Тогда чаще встречался 30-й *джуз’* перевода-*тафсир*а и реже — полный текст книги, стоимость которой в ее полнотекстовом виде могла достигать одной тысячи советских рублей[31]. Такую дороговизну наш информатор объяснил довольно немалым интересом к переводу текста Корана на фоне незначительного предложения. Физическая доступность Священного писания мусульман и его переводов, ввиду известных причин, связанных с уголовным преследованием за распространение религиозной литературы в СССР, была чрезвычайно ограничена[32]. Кроме того, определенную преграду

30. Профессор Абдулмаджид Мадраимов, также работавший в то время в Институте, рассказывал мне, что Х. Хикматуллаев в 1978–79 гг. показывал ему самиздатовскую книгу — перевод Корана Тарази (частная беседа, Ташкент, 19 февраля 2020).

31. На первый взгляд, такая стоимость книги удивляет, учитывая, что в те годы средняя зарплата старшего лаборанта составляла ок. 100–120 руб., младшего научного сотрудника — 150–250 руб., старшего научного сотрудника — 250–300 руб., доктора наук — ок. 400–450 руб. Тем не менее такое удивление сглаживается после общения с коллегами из ИВ АН РУз, заставшими рассматриваемый период. По их сведениям, в 1985–86 гг. стоимость Корана (продававшегося также нелегально) на ташкентском старогородском *джум‘а*-базаре близ архитектурного комплекса Хаст Имам (Хазрат Имам) достигала 500–600 руб. Поэтому вполне возможно, что Коран в переводе на родной, хоть и уже «архаичный» для большинства местных жителей «туркестанский» язык, да к тому же снабженный комментариями, мог оцениваться в такую значительную сумму. В сентябре 2021 г., когда мне довелось брать интервью у Камал-*хан*а Ахророва (род. 1955) — внука одного из первых учителей Хиндустани, Зикрийа-*кари’* Закирова (1880–1943), он сообщил мне практически те же сведения, что и Турдиалиев двумя годами ранее, в том числе относительно вопроса максимальной стоимости перевода Корана Тарази. При этом Ахроров заявил, что в 1980 г., работая продавцом в кокандском универмаге, он сам был тем человеком, который приобрел труд Тарази за столь высокую цену. Подробно описывая процесс покупки и перевод-*тафсир*, «облаченный в зеленую обложку и изданный в Карачи около 1975 г.», Ахроров рассказал, что книга была предложена ему неким букинистом, привозившим свой товар из Ташкента (частная беседа, Коканд, 27 сентября 2021). В дополнение к сказанному хотелось бы отметить, что мне не встречались специальные исследования, посвященные советским среднеазиатским *джум‘а*-базарам, тематике представленных там книг, социальным портретам продавцов и покупателей, роли в социально-религиозной сфере и пр. И в целом тема распространения и циркуляции богословской литературы в позднесоветском Узбекистане, бывшем главным исламским форпостом СССР, требует отдельных изысканий, которыми я намерен заняться в ближайшем будущем.

32. Базар был открыт для обычной букинистической литературы, но не для религиозных изданий и тем более арабографических книг, каждая из которых могла быть воспринята как религиозная.

для потенциально более широкого распространения перевода-*тафсир*а на «туркестанском» мог представлять языковой барьер — это, прежде всего, арабская графика, а затем лексико-морфологические особенности языка сочинений Тарази. С другой стороны, — продолжал Абдулатиф Турдиалиев, — в силу того, что это был все-таки узбекский язык (хоть и в арабской графике), работа Тарази приобрела бóльшую популярность, чем имевшие хождение (разумеется, весьма редкое) арабские *тафсир*ы Ибн Касира (ок. 1300–1373) и Саййида Кутба (1906–1966)[33].

В этом контексте было бы уместно напомнить, что *тафсир* Хиндустани — *Байан ал-Фуркан фи тарджимат ал-Кур'ан* — шеститомный перевод Корана на узбекском языке (арабской графикой) с комментариями, подготовленный *дамла* Хиндустани[34], был завершен только в 1984 г. (по другим данным, в 1988–89 гг.), издан самиздатом в количестве около 500 экземпляров и распространен среди узкого круга. Официальное издание перевода-*тафсир*а Хиндустани тиражом в одну тысячу экземпляров было осуществлено в 2006 г. (Қуръони Карим, 2006). Переложение на кириллицу, подготовку к изданию и исследовательское предисловие взял на себя старший научный сотрудник Института языка и литературы имени Алишера Навои Академии наук Республики Узбекистан[35] Сайфиддин Сайфуллох. Благодаря этому изданию нам стал известен один очень важный факт.

В своем исследовательском введении, помимо всего прочего, С. Сайфуллох приводит воспоминания *дамла* Хиндустани, согласно которым Мухаммаджан Куканди (т. е. Хиндустани), ознакомившись с переводом-*тафсир*ом Алтин-*хан*а-*тура*, предположил, что этот перевод, состоящий из 2400 (!) страниц[36], может вызвать некоторые затруднения у молодежи при чтении и изучении. Принимая это обстоятельство во внимание, Хиндустани, решив несколько сократить и упростить труд Тарази, выполнил свой перевод, рассчитанный на обывателей («*авомуннос*») и молодых студентов («*ёш талабалар*») (там же, с. 14). Таким образом, произведение Тарази послужило одной из основ *тафсир*а Хиндустани.

Что касается бытования перевода-*тафсир*а Тарази в Ташкенте, то в столице УзССР в середине 1970-х гг. у него сложилась своя «государственная миссия». Его использовали в интересах советской мусульманской политики — книга за авторством антисоветского деятеля экспонировалась в числе других переводов Корана в библиотеке САДУМ. На руки она, естественно, не выдавалась. Задача экспонировавшихся в библиотеке САДУМ переводов Корана вкупе с другими исламскими объектами состояла прежде всего в манифестации религиозных свобод в СССР и формировании позитивного имиджа государства в глазах зарубежных делегаций[37]. Однако по прошествии почти 20 лет, в 1990–1993 гг., труд Тарази уже в открытую можно было приобрести на местном

33. Наличие комментария Корана Саййида Кутба *Фи зилал ал-Кур'ан* («Под сенью Корана»), относящегося к середине 1970-х гг., также было зафиксировано в одной из частных библиотек Андижана (Ферганская долина), которая принадлежала тогда местному молодому богослову (Бабаджанов, Муминов, фон Кюгельген, 2007, с. 21).

34. Подробнее о нем: Бабаджанов, 2006b.

35. Ныне Институт узбекского языка, литературы и фольклора имени Алишера Навои АН РУз.

36. Почему у Хиндустани зафиксировано количество страниц, более чем втрое превышающее объем официальных изданий перевода-*тафсир*а Тарази, остается вопросом. Можно лишь предположить, что Хиндустани имел в виду объем, который мог занимать текст труда Тарази, переписанный от руки. То же самое предположение уместно и для указанного им количества страниц (1640) собственного *тафсир*а. См.: Қуръони Карим, 2006, с. 14.

37. На сегодняшний день фонд библиотеки Управления мусульман Узбекистана (УМУз, преемник САДУМ) располагает четырьмя экземплярами перевода Корана Тарази. Наиболее ранний из них представлен мединским изданием 1975 г. (Инв. № Б-1154). Я благодарен сотрудникам фонда УМУз и лично директору библиотеки Камолиддину Махкамову за любезно оказанное содействие в поиске интересующих меня материалов.

джум'а-базаре в Старом городе, на территории мемориально-культового и архитектурного ансамбля Хаст Имам. По свидетельству очевидцев, на рубеже 1991–1992 гг., с обретением Узбекистаном независимости, бывало и такое, что книги Тарази, в том числе его перевод Корана, раздавались бесплатно в мечетях Ташкента.

Предполагаю, что инициатором этой акции по распространению работ Тарази мог быть четвертый *муфтий* и председатель САДУМ *шайх* Мухаммад-Садик Мухаммад-Йусуф (1989–1993)[38], являвшийся к тому же депутатом Верховного Совета СССР (1989–1991). Именно в председательство *шайх*а, в 1991–92 гг., в САДУМ поступали немалые партии книг Тарази[39]. Часть книг передавалась студентам Ташкентского высшего исламского института имени Имама Бухари и прихожанам некоторых мечетей столицы, а часть оставалась в библиотеке САДУМ. Примечателен также и тот факт, что в своем *Тафсир*е *Хилал шайх* Мухаммад-Садик среди всех переводов Корана упоминает труд, выполненный Тарази. Называя автора по прозвищу, он пишет: «Книга была опубликована в Индии, а несколько экземпляров дошли и до нас» (Шейх, 2012, с. 83).

Главный же довод в пользу высказанного предположения озвучил довольно известный ташкентский *имам-хатиб* и бывший директор столичного медресе Кукалдаш/Кукельдаш 'Абд ал-Хаким *кари '* (Абдулхаким Маткулов). В предисловии к осуществленному в 2017 г. изданию книги Тарази *Нур ал-басар* («Лучезарный взор»), посвященной жизнеописанию Пророка Мухаммада, 'Абд ал-Хаким *кари '* рассказывает весьма значимую историю: в 1990 г. во время поездки в *хаджж* ему вместе с *шайх*ом Мухаммад-Садиком Мухаммад-Йусуфом довелось побывать у самого Тарази. Одной из знаковых черт этой встречи оказалась передача гостям из Узбекистана (все еще советского) нескольких тысяч экземпляров таких работ ученого мужа, как перевод-*тафсир* Корана, «Компендиум книги *имам*а Тирмизи "Достоинства [Пророка] Мухаммада"» и «Лучезарный взор». Дар сопровождался просьбой распространить эти книги в народе. По прибытии, согласно сведениям 'Абд ал-Хакима *кари '*, эти произведения попали в подведомственные САДУМ учебные заведения и в частные руки ([Матқулов], 2017, с. 5–6)[40].

Следует отметить, что именно *хаджж* (в нашем случае и другие зарубежные поездки делегаций САДУМ) был одним из основных каналов доставки с последующим распространением трудов Тарази среди туркестанской зарубежной диаспоры и советских среднеазиатских мусульман. По словам узбекистанского историка Сайфиддина Жалилова (1924–2019), труд Тарази преподносился в дар и советским паломникам: «Многие хорошо помнят, что только некоторые из них тайно решались привезти его с собой» (Жалилов, 1997, с. 27–28)[41].

38. Подробнее о нем см.: Бабаджанов, Хамидов, 2018; Йўлдошхўжаев, Қаюмова, 2015, с. 82–83.

39. По моим наблюдениям, особенно многочисленным был сборник *хадис*ов Имама Мухйи ад-дина ан-Навави (ок. 1233–1277) *Рийад ас-салихин* («Сады праведных») в переводе Тарази на «туркестанский» язык. Так, в библиотеке УМУз хранится более ста книг этой работы Тарази (Инв. №№ В-292 — В-321, В-677 — В-730, В-940 — В-962, В-997 — В-1006).

40. О посещении Тарази в Медине в 1990 г. паломниками из советской Средней Азии см. также: Қўқондий, 1991, с. 111.

41. Приблизительно в аналогичных формулировках в 1991 г. эту же ситуацию описывал в своем интервью о Тарази многолетний сотрудник и заместитель председателя САДУМ, преподаватель арабской литературы, коранической экзегетики и *хадис*оведения в Мир-и Арабе и Ташкентском высшем исламском институте имени Имама Бухари — Йусуф-*хан-тура* Шакиров (Юсуфхонтура Шокиров, 1926–2000), который являлся родственником Тарази, встречался с ним в Медине в конце 1950-х — начале 1960-х гг., многое знал о его трудах и некоторые из них имел в личной библиотеке (Косимов, 1991, с. 4). Подробнее о нем см.: Йўлдошхўжаев, Қаюмова, 2015, с. 105–106. Другой видный деятель САДУМ — Шараф ад-дин Мирмахмудов (Шарофиддин Мирмахмудов, 1943–2018), работавший в международном отделе САДУМ, а позже — ответственным секретарем организации, по информации родственников, так же, как Йусуф-*хан-тура*, еще в советские годы имел в своем распоряжении труды Тарази, в частности его перевод-*тафсир*. Подробнее о Ш. Мирмахмудове см.: Там же, с. 192–193.

Заключительные ремарки

Случай с произведениями Тарази наглядно показывает, что несмотря на изоляцию среднеазиатских (и, шире, советских) мусульман от остального мусульманского мира, представители туркестанской эмиграции *'улама'* продолжали писать на среднеазиатском тюркй. Согласно заложенным в них кодам религиозной этики для богословов, они заботились о языковой доступности исламской литературы не только для туркестанской диаспоры, но и для среднеазиатских советских мусульман, потому как осознавали, что их труды могут быть по-настоящему популярными и актуальными там, где сосредоточена их основная аудитория — на территории Туркестана[42]. На мой взгляд, это обстоятельство, наряду с растущей обеспокоенностью о сохранении языковой идентичности в среде молодого поколения диаспоры, объясняет, почему многие из эмигрантов-*'улама'* отдавали предпочтение «туркестанскому» языку. По известным причинам, только осколки их наследия доходили до советской Средней Азии. Одним из таких «осколков», причем крупных, стал перевод-*тафсир* Саййида Махмуда Тарази, который, судя по всему, имел хождение в кругу среднеазиатских религиозных деятелей и востоковедов, будучи частью их книжного репертуара и в отдельных случаях даже оказывая влияние на их творчество (как, например, на *тафсир* Хиндустани). Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что местная интеллектуальная исламская традиция находилась в диалоге и взаимодействии в том числе с той традицией, которая оказалась в эмиграции.

Кроме того, имеется ряд вопросов, ожидающих дальнейших уточнений. В частности, читали ли перевод-*тафсир* Тарази в знаменитом медресе Мир-и Араб или Ташкентском высшем исламском институте в советские годы[43]? Входил ли он в местные программы нелегального конфессионального обучения (*худжра*)[44]? Таким образом, дискуссия о том, в какой степени этот труд был популярен и распространен, остается открытой.

В ходе работы над реконструкцией истории бытования перевода Корана Тарази, его истоков и определении возможного влияния на него реформаторского дискурса я заинтересовался, насколько разные группы среднеазиатских богословов первой трети

42. Это мнение подтверждается и сведениями историка Мансура ал-Бухари, согласно которому туркестанские *'улама'* из числа эмигрантов, поселившиеся в Медине, рассчитывали на тайное распространение своих книг «на земле Туркестана/Мавераннахра». Их целью было «обучение потомков предписаниям своей религии в условиях социалистической оккупации». Причем первой в указанном ал-Бухари списке книг, предназначенных для распространения, называется перевод Корана Тарази. См.: Ал-Бухари, 1434/2013, с. 255–256 (сноска 1); Ал-Бухари, 1440/2019, с. 68.

43. Как удалось выяснить во время экспедиции в Бухару (февраль 2021 г.), в библиотеке Мир-и Араба среди более чем двадцати экземпляров перевода-*тафсир*а Тарази имеется по меньшей мере один (Кур'ан карим, 1401/1980–81 г. Инв. № 13/17-1), который относится к советскому периоду. На книге поставлена печать библиотеки медресе и указана дата инвентаризации «25 апреля 1988 г.». Следовательно, экземпляр оказался в стенах медресе не позднее этого времени. Остальные книги — это катарское издание 1993 г. К слову, библиотека УМУз также имеет в своем распоряжении экземпляр, изданный в Джидде (Инв. № Б-1151).

44. На данном этапе исследования с определенной долей уверенности можно утверждать, что в учебном курсе *худжра*, возглавляемой Хиндустани, работа Тарази представлена не была. Об этом мне рассказал один из младших учеников *дамла* Хиндустани и ныне преподаватель в Высшем медресе Мир Араб Исма'илджан-*дамла* Хамрокулов (Хамрокулов Исмаилджон Ибрахимович, 1958 г. р., обучался у Хиндустани в Душанбе с 1983 по 1989 гг.). По его словам, Хиндустани и основные представители *худжра* в Ферганской долине не являлись сторонниками включения тюркоязычных произведений в программу обучения, потому как считали необходимым освоение тех или иных исламских источников, большинство из которых были на арабском, исключительно на языке оригинала. Иногда наблюдались ситуации, когда студенты знали лучше грамматику арабского языка, нежели узбекского, и испытывали значительные трудности при чтении книг на тюркй. Интересно, что сам Исма'илджан-*дамла* не видел перевод-*тафсир* Тарази вплоть до первых лет независимости Узбекистана (частная телефонная беседа, Ташкент — Коканд, 3 ноября 2020).

XX века считали необходимым перевод всего текста Корана на среднеазиатский тюркй. Однако информации о каких-либо дискуссиях, непосредственно касающихся этой проблемы, я не нашел. Коллеги, занимающиеся исследованием диспутов мусульманских религиозных авторитетов, чьи позиции отражались в местной периодической печати, особенно в конце 1910-х — начале 1920-хх гг., с обсуждением этой темы в рамках своих изысканий сталкивались не напрямую, а в контексте, например, допустимости чтения проповедей (*хутба*) на вернакулярных языках[45].

Собственно перевод-*тафсир* Тарази стал одним из аспектов более глобального процесса «национализации» мусульманского письменного наследия, начавшегося с переводов и широкой доступности текста Корана, *хадис*ов и ряда произведений по мусульманскому праву на «языках не-арабов» (‘*аджами*). Этот процесс, начатый в глубинах советского периода, теперь буквально «вулканирует» на территории бывших советских республик, порождая в некоторых случаях «знатоков религии» без религиозного образования, которые порой понимают и истолковывают сложные историко-культурные и догматические тексты ислама буквально, активно способствуя его прямой профанации[46].

45. Этот вопрос, к примеру, вкратце рассматривается в еще неопубликованном диссертационном исследовании сотрудника ИВ АН РУз Шарифжона Исламова «Дискурсы реформаторов Туркестана начала XX века: экономические, общественные и религиозные проблемы в условиях кризиса колонизации» (на узб. яз.). Ссылаясь на такие периодические издания, как журналы *Кенгаш* (Коканд, 1917), *Хуррийат* (Коканд, 1917) и *ал-Изах* (Ташкент, 1917–1918), Ш. Исламов говорит, что ‘*улама*’, ратовавшие за чтение проповеди на местных языках, обосновывали свою позицию тем, что у прихожан мечетей не должно возникать трудностей в понимании содержания проповеди и поэтому декларируемые *айат*ы Корана также следует переводить на язык, понятный населению.

46. Этому тезису я обязан беседам с профессором Бахтияром Бабаджановым.

Библиография

Первичные источники

ИВ АН РУз — Институт востоковедения имени Абу Райхана Бируни Академии наук Республики Узбекистан.

Ал-Кашгари, М.-З. (1413/1992). *Тафсир ‘Амма йатаса’алун*. Доха: Матаби‘ ал-‘аруба.

Кур’ан карим. (1375/1956a). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ал-‘абд ал-‘аджиз ас-Саййид Махмуд ат-Тарази ал-Мадани.* Т. 1–6. Бомбей: ал-Матба‘а ал-каримийа ал-ка’ина фи Бамбай ал-Хинд (ИВ АН РУз, Фонд Хамида Сулайманова, лит. №№ 4015–4020).

Кур’ан карим. (1375/1956b). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ал-‘абд ал-‘аджиз ас-Саййид Махмуд ат-Тарази ал-Мадани.* Бомбей: ал-Матба‘а ал-каримийа ал-ка’ина фи Бамбай ал-Хинд.

Кур’ан карим. (1395/1975). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ас-Саййид Махмуд бин ас-Саййид Назир ат-Тарази ал-Мадани.* 4-е изд. Медина: Мактабат Дар ал-иман.

Кур’ан карим. (1401/1980-81). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ас-Саййид Махмуд бин ас-Саййид Назир ат-Тарази ал-Мадани*. Джидда: Дар ал-фунун ли-т-тиба‘а ва-н-нашр.

Кур’ан карим. (1993). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ал-‘аджиз ас-Саййид Махмуд бин ас-Саййид Назир ат-Тарази ал-Мадани*. Катар: [Б. и.].

Кур’ан карим. Мутарджам узбак. ([Не ранее 22.10.1412/24.04.1992]). *Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа: ал-‘абд ал-‘аджиз ас-Саййид Махмуд ат-Тарази ал-Мадани.* Карачи: Bali’s Shoes Saddar.

Ал-Қуръон ул-карим. (1994). Ал-Қуръон ул-карим (ўзбек тилида изоҳли таржима). *Таржимон ва тафсир қилувчи — Саййид Маҳмуд ибн Саййид Назир ат-Тарозий ал-Мадиний — Олтинхон Тўра. Ҳожи Исматуллоҳ Абдуллоҳ (сост., ред.).* 1-е изд. Тошкент: Ғафур Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти.

Ал-Қуръон ал-карим. (2002). *Ал-Қуръон ал-карим маъноларининг таржимаси ва шарҳлар.Маъноларни таржима ва тафсир қилувчи — Саййид Маҳмуд ибн Саййид Назир ат-Тарозий ал-Маданий (Олтинхон Тўра). Ҳожи Исматуллоҳ Абдуллоҳ (сост., ред.).* 2-е изд. Тошкент: ФАН.

Қуръони Карим. (2006). *Қуръони Карим. Оятлари маъноларининг изоҳли таржимаси. Таржима ва изоҳлар муаллифи Шайх Муҳаммаджон мулло Рустам уғли (Мавлавий ҳожи Ҳиндистоний). С. Сайфуллоҳ (сост., ред.)*. Тошкент: Мовароуннаҳр.

Ал-Ма‘айириджи, Х. (1993). *Тарджамат хайат ал-му ’аллиф. Кур’ан карим. Мутарджам ва-мухашша би-л-луга ат-туркистанийа би-калам ал-‘аджиз ас-Саййид Махмуд бин ас-Саййид Назир ат-Тарази ал-Мадани.* Катар: [Б. и.]. С. 709–710.

Вторичные источники

Бабаджанов, Б.М. (2001). Накшбандийские группы. А.А. Хисматулин (ред.). *Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998)*. СПб: Филологический факультет СПбГУ. С. 331–359.

Бабаджанов, Б.М. (2006a). Ибрахим-*хазрат*. С.М. Прозоров (ред.). *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*. Т. I. М.: Вост. лит. С. 155–156.

Бабаджанов, Б.М. (2006b). Хиндустани. С.М. Прозоров (ред.). *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь*. Т. I. М.: Вост. лит. С. 426–428.

Бабаджанов, Б.М., Муминов, А.К., фон Кюгельген, А. (2007). *Диспуты мусульманских религиозных авторитетов в Центральной Азии в XX веке: критические издания и исследования источников.* Алматы: Дайк-Пресс.

Бабаджанов, Б.М., Хамидов, М.-А. (2018). Мухаммад-Содик. С.М. Прозоров (ред.). *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь.* Т. II. М.: Наука — Вост. лит. С. 267–270.

Ал-Бухари, Мансур б. ‘Абд ал-Баки ал-Андиджани. (1434/2013). ‘*Улама ’ Ма вара ’ ан-нахр ал-мухаджирин ли-л-Харамайн.* Стамбул: Дар ал-мирас ан-набавий ли-д-дирасат ат-тахкик ва-хидмат ат-турас.

Ал-Бухари, Мансур б. ‘Абд ал-Баки ал-Андиджани. (1440–2019). ‘Улама’ Ма вара’ ан-нахр ал-мухаджирин ила-л-Мадина ал-мунаввара ва-л-Кахира фи-л-карн 14 ал-хиджри ва-асарухум ал-фикрийа ва-л-адабийа ва-с-сакафийа фи-л-махджар. Са‘д Мухаммад ‘Абд ал-Гаффар (ред.). *Абхас му ’тамар «Исхамат билад Ма вара ’ ан-нахр фи исра ’ ал-хадара ал-исламийа» (ад-даура ас-санийа — Ибрил, 2019).* Ал-Джуз’ ас-сани. Матрух: Мактабат Миср ал-‘амма би-Матрух. С. 49–78.

Ғафуров, И. (2009, 17 апрель). Қуръон таржималари: тажрибалар. *Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 16* (3999), 3–4.

Жалилов, С. (1997) *Сайид Маҳмуд Тарозий — Олтинхон Тўра.* Ю. Шокиров (ред.). Тошкент: Абдулла Қодирий номидаги халқ мероси нашриёти.

Йўлдошхўжаев, Ҳ., Қаюмова, И. (2015). *Ўзбекистон уламолари.* У. Алимов, Б. Бобожонов (ред.). Тошкент: Movarounnahr.

Королева, Л.А., Королев, А.А. (2008). Ислам в СССР: некоторые аспекты государственно-религиозной политики. *Альманах современной науки и образования, 6 (13)*, 110–112.

Қосимов, Э. (1991, 15 ноябрь). Олтинхон тўра васияти. Ислом оламида донг таратган машҳур ватандошимиз ва унинг оила аъзолари саргузаштлари. *Тошкент ҳақиқати, 221 (10.217)*, 4.

Қўқондий, Н. (1991). *Муборак ҳаж сафари.* Тошкент: Камалак.

[Матқулов], А. (2017). Сўзбоши. Абдул Азим Зиёуддин (ред.). *Саййид Маҳмуд Тарозий. Нурул басар.* Самарқанд: Бухорий халқаро маркази нашриёти. С. 4–7.

Обидов, Р. (2008). *Марказий Осиё олимларининг тафсир соҳасида тадқиқотлари (Тошкент ислом университети малака ошириш курси учун маъруза матни).* Тошкент: [Б. и.].

Уватов, У. (1994, 4 май). Мударрис. Саййид Маҳмуд Тарозий ҳаёти ва фаолияти ҳақидаги дастлабки маълумотлар. *Халк сўзи, 87 (835)*, 2.

Утепбергенова, У., Муминов, А., Баетова, К. Шами-*дамулла* (2018). С.М. Прозоров (ред.) *Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь.* Т. II. М.: Наука — Вост. лит. С. 436–440.

Халид, А. (2010). *Ислам после коммунизма: Религия и политика в Центральной Азии.* А.Б. Богданова (пер. с англ.). М.: Новое литературное обозрение.

Халилова, З., Бабаджанов, Б. (2017). Советская идеология в медресе: политические контексты и учебная практика. *Islamology*, 2, 30–52. doi: http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.07.2.02

Худайар, И. (1379/2000–2001). Му‘аррифи-йи чанд тарджума-йи Кур’ан-и карим ба-забан-и узбаки. *Тарджуман-и вахи, 7*, 92–96 [http://ensani.ir/file/download/article/20101106123337-58.pdf, доступ от 6.11.2020].

Хуснутдинов, Ф. (2021). «Человек, которого нельзя забывать»: к истории знакомства Мусы Бигеева и Саййида Махмуда Тарази. *Ислам в современном мире, 17 (3),* 165–176. doi:10.22311/2074-1529-2021-17-3-165-176

.

Шамсутдинов, Р. (2018). *Қатағон қилинган юртдошларни хотирлаб*. Тошкент: Akademnashr.

Шейх Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф. (2012). *Тафсир Хилал. 30-джуз*. Ташкент: Sharq.

Шумовский, Т. (2009). *Свет с Востока*. СПб: Диля.

Bennigsen, A., Wimbush, E. (1985). *Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union.* Berkeley: University of California Press.

DeWeese, D. (2002). Islam and the Legacy of Sovietology: a Review Essay on Yaacov Ro'y's Islam in the Soviet Union. *Journal of Islamic Studies, 13(3),* 298–330.

Mazman, N. (2018). Hindistan'da basilmiş bir Kur'an tercümesi: mütercem ve muhaşşa bi'l-lugati't-türkistâniyye. *Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi, 3(1),* 131–153.

Metcalf, B. (2014). *Islamic Revival in British India: Deoband, 1860-1900*. (Course Book ed.). Princeton: Princeton University Press.

Tasar, E. (2016). The Official Madrasas of Soviet Uzbekistan. *Journal of the Economic and Social History of the Orient, 59(1–2)*, 265–302.

References

Primary sources

IV AN RUz — Institut vostokovedeniia imeni Abu Raikhana Biruni Akademii nauk Respubliki Uzbekistan [Al-Biruni Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan].

Al-Kāshgharī, M.-Ẕ. (1413/1992). *Tafsīr ʿAmma yatasaʾalūn*. Doha: Maṭabiʿ al-ʿArūba.

Al-Maʿāyirijī, Ḥ. (1993). Tarjamat Hayāt al-Muʾallif. *Qurʾān Karīm. Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-ʿĀjiz al-Sayyid Mahmūd bin al-Sayyid Nadhīr al-Ṭarāzī al-Madanī* (pp. 709–710). Qatar: [n.p.].

Qurʾān Karīm. (1375/1956b). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-ʿAbd al-ʿĀjiz al-Sayyid Mahmūd al-Ṭarāzī al-Madanī*. Bombay: al-Maṭbaʿa al-Karīmiyya al-Kāʾina fī Bambay al-Hind.

Qurʾān Karīm. (1375/1956*a*). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-ʿAbd al-ʿĀjiz al-Sayyid Mahmūd al-Ṭarāzī al-Madanī*. In 6 vols. Bombay: al-Maṭbaʿa al-Karīmiyya al-Kāʾina fī Bambay al-Hind (IV AN RUz, Fund of Hamid Sulaimanov, Litho. №№ 4015–4020).

Qurʾān Karīm. (1395/1975). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-Sayyid Mahmūd bin al-Sayyid Nadhīr al-Ṭarāzī al-Madanī*. 4th ed. Al-Madīna al-Munawwara: Maktabat Dār al-Īmān.

Qurʾān Karīm. (1401/1980-81). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-Sayyid Mahmūd bin al-Sayyid Nadhīr al-Ṭarāzī al-Madanī*. Jeddah: Dār al-Funūn li-l-Ṭibāʿa wa-l-Nashr.

Qurʾān Karīm. (1993). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya bi-Qalam al-ʿĀjiz al-Sayyid Mahmūd bin al-Sayyid Nadhīr al-Ṭarāzī al-Madanī*. Qatar: [n.p.].

Qurʾān Karīm. Mutarjam Uzbak. ([not earlier than 22.10.1412/24.04.1992]). *Mutarjam wa-Muhashshā bi-l-Lugha al-Tūrkistāniyya: al-ʿAbd al-ʿĀjiz al-Sayyid Mahmūd al-Ṭarāzī al-Madanī*. Karachi: Bali's Shoes Saddar.

Al-Qur'on ul-karim. (1994). *Al-Qur'on ul-karim (o'zbek tilida izohli tarjima)*. Sayyid Mahmud ibn Sayyid Nazir at-Taroziy al-Madiniy (Oltinxon To'ra) (trans. & comm.). H. I. Abdulloh (ed.). 1st ed. Tashkent: G'afur G'ulom nomidagi Adabiyot va san'at nashriyoti.

Al-Qur'on al-karim. (2002). *Al-Qur'on al-karim ma'nolarining tarjimasi va sharhlar*. Sayyid Mahmud ibn Sayyid Nazir at-Taroziy al-Madaniy (Oltinxon To'ra) (trans. & comm.). H. I. Abdulloh (ed.). 2nd ed. Tashkent: Fan.

Qur'oni karim. (2006). *Qur'oni karim. Oyatlari ma'nolarining izohli tarjimasi*. Shaykh Muhammadjon mullo Rustam ug'li (Mavlaviy hoji Hindistoniy) (trans. & comm.). S. Sayfulloh (ed.). Tashkent: Movarounnahr.

Secondary sources

Babadzhanov, B. (2001). Nakshbandiiskie gruppy. In A. A. Xismatulin (ed.), *Sufizm v tsentral'noi Azii (zarubezhnye issledovaniia: Sb. st. pamiati Fritsa Maiera (1912–1998)* (pp. 331–359). St. Petersburg: Filologicheskii fakul'tet SpbGU.

Babadzhanov, B. (2006b). Hindustani. In S. M. Prozorov (ed.), *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. I (pp. 426–428). Moscow: Vost. Lit.

Babadzhanov, B. (2006a). Ibrahim-hazrat. In S. M. Prozorov (ed.), *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. I (pp. 155–156). Moscow: Vost. Lit.

Babajanov, B., Hamidov, M.-A. (2018). Muhammad-Sodik. In S. M. Prozorov (ed.), *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. II (pp. 267–270). Moscow: Nauka — Vost. lit.

Babajanov, B., Muminov, A., von Kügelgen, A. (2007). *Disputy musul'manskikh religioznykh avtoritetov v Tsentral'noi Azii v XX veke: kriticheskie izdaniia i issledovaniia istochnikov*. Almaty: Daik-Press.

Bennigsen, A., Wimbush, E. (1985). *Mystics and Commissars: Sufism in the Soviet Union*. Berkeley: University of California Press.

Al-Bukhārī, Manṣūr bin ʿAbd al-Bāqī al-Andījānī. (1434/2013). *ʿUlamāʾ Mā Warāʾ al-Nahr al-Muhājirīn li-l-Haramayn*. Istanbul: Dār al-Mīrāth al-Nabawiyy li-l-Dirāsāt al-Taḥqīq wa-Khidmat al-Turāth.

Al-Bukhārī, Manṣūr bin ʿAbd al-Bāqī al-Andījānī. (1440/2019). ʿUlamāʾ Mā Warāʾ al-Nahr al-Muhājirīn ilā al-Madīna al-Munawwara wa-l-Qāhira fī al-Qarn 14 al-Hijriyy wa-Āthāruhum al-Fikriyya wa-l-Adabiyya wa-l-Thaqāfiyya fi al-Mahjar. In S. M. ʿAbd al-Ghaffār (ed.), Abḥāth *Muʾtamar "Ishāmāt Bilād Mā Warāʾ al-Nahr fī Ithrāʾ al-Ḥaḍāra al-Islāmiyya" (al-Dawra al-Thāniya — Ibrīl 2019 m.)*. Vol. II (pp. 49–78). Matrouh: Misr Public Library in Matrouh.

DeWeese, D. (2002). Islam and the Legacy of Sovietology: a Review Essay on Yaacov Ro'y's Islam in the Soviet Union. *Journal of Islamic Studies, 13(3),* 298–330.

G'afurov, I. (2009, April 17). Qur'on tarjimalari: tajribalar. *O'zbekiston adabiyoti va san'ati, 16 (3999),* 3–4.

Jalilov, S. (1997). *Sayid Mahmud Taroziy — Oltinxon To'ra*. Yu. Shokirov (ed.). Tashkent: Abdulla Qodiriy nomidagi xalq merosi nashriyoti.

Khalid, A. (2010). *Islam posle kommunizma: Religiia i politika v Tsentral'noi Azii*. A.B. Bogdanova (Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Khalilova, Z., Babadzhanov, B. (2017). Soviet Ideology in the Madrasa: Political Contexts and Educational Practice. *Islamology, 2,* 30–52. doi: http://dx.doi.org/10.24848/islmlg.07.2.02

Khudāyār, I. (1379/2000–2001). Muʿarrifī-yi Chand Tarjuma-yi Qurʾān-i Karīm ba Zabān-i Uzbakī. *Tarjumān-i Vahī*, 7, 92–96 [http://ensani.ir/file/download/article/20101106123337-58.pdf Accessed on April 6, 2021].

Khusnutdinov, F. (2021). 'A Person To Be Remembered': On the History of Acquaintance of Musa Bigeev and Sayyid Mahmud Tarazi. *Islam in the modern world, 17(3)*, 165–176. doi:10.22311/2074-1529-2021-17-3-165-176

Koroleva, L., Korolev, A. (2008). Islam v SSSR: nekotorye aspekty gosudarstvenno-religioznoi politiki. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia, 6(13)*, 110–112.

[Matqulov], A. (2017). So'zboshi. In A. A. Ziyouddin (ed.), *Taroziy, Sayyid Mahmud. Nurul basar* (pp. 4–7). Samarqand: Buxoriy xalqaro markazi nashriyoti.

Mazman, N. (2018). Hindistan'da basilmiş bir Kur'an tercümesi: mütercem ve muhaşşa bi'l-lugati't-türkistâniyye. *Çukurova Üniversitesi Türkoloji Araştırmaları Dergisi, 3(1),* 131–153.

Metcalf, B. (2014). *Islamic Revival in British India: Deoband, 1860-1900*. (Course Book ed.). Princeton: Princeton University Press.

Shayx Muhammad Sodiq Muhammad Yusuf. (2012). *Tafsir Hilal. 30-djuz*. Tashkent: Sharq.

Obidov, R. (2008). *Markaziy Osiyo olimlarining tafsir sohasida tadqiqotlari (Toshkent islom universiteti malaka oshirish kursi uchun ma'ruza matni)*. Tashkent: [n. p.].

Qosimov, E. (1991, November 15). Oltinxon to'ra vasiyati. Islom olamida dong taratgan mashhur vatandoshimiz va uning oila a'zolari sarguzashtlari. *Toshkent haqiqati, 221(10.217)*, 4.

Qo'qondiy, N. (1991). *Muborak haj safari*. Tashkent: Kamalak.

Shamsutdinov, R. (2018). *Qatag'on qilingan yurtdoshlarni xotirlab*. Tashkent: Akademnashr.

Shumovsky, Th. (2009). *Svet s Vostoka*. St. Petersburg: Dilia.

Tasar, E. (2016). The Official Madrasas of Soviet Uzbekistan. *Journal of the Economic and Social History of the Orient, 59(1–2)*, 265–302.

Utepbergenova, U., Muminov, A., Bayetova, K. (2018). Shami-*damulla*. In S. M. Prozorov (ed.), *Islam na territorii byvshei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Vol. II (pp. 436–440). Moscow: Nauka — Vost. lit.

Uvatov, U. (1994, May 4). Mudarris. Sayyid Mahmud Taroziy hayoti va faoliyati haqidagi dastlabki ma'lumotlar. *Xalk so'zi, 87(835)*, 2.

Yo'ldoshxo'jaev, H., Qayumova, I. (2015). *O'zbekiston ulamolari*. U. Alimov, B. Bobojonov (eds.). Tashkent: Movarounnahr.